

Александр Житинский

Самарин

*Часть сборника
Лестница (сборник)*

Александр Житинский
Самарин

«Геликон Плюс»

1974

Житинский А. Н.

Самарин / А. Н. Житинский — «Геликон Плюс», 1974

«Рабочее место цыганки было в сквере Адмиралтейства. Она приходила туда в девять утра с белым полиэтиленовым мешком, в котором лежали бутерброды с колбасой и сыром, колода карт, бутылка пива и картонная табличка на веревочке с написанным от руки текстом «Обеденный перерыв». В час дня цыганка доставала табличку и вешала ее на край садовой скамейки, где она работала. После чего неторопливо ела бутерброды, запивая их пивом...»

© Житинский А. Н., 1974

© Геликон Плюс, 1974

Содержание

1. Цыганка	5
2. На выставке	7
3. Возрасты	9
4. Печальный заяц	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Александр Житинский Самарин

1. Цыганка

Рабочее место цыганки было в сквере Адмиралтейства. Она приходила туда в девять утра с белым полиэтиленовым мешком, в котором лежали бутерброды с колбасой и сыром, колода карт, бутылка пива и картонная табличка на веревочке с написанным от руки текстом «Обеденный перерыв». В час дня цыганка доставала табличку и вешала ее на край садовой скамейки, где она работала. После чего неторопливо ела бутерброды, запивая их пивом.

Это была профессиональная цыганка, работающая в одиночку. Бахрома ее черной с цветами шали почти совсем стерлась от долгого трения об асфальт. Когда в сквере внезапно возникла стайка молодых и нахальных цыганок с неприменным грудным ребенком у каждой, старая гадалка надменно отворачивалась, раскладывая пасьянс на своей скамейке. Держалась она с громадным достоинством, никому не предлагала гадания, бывало, что и отказывала. У ее скамейки всегда стояла небольшая очередь.

Она гадала по глазам, по руке и на картах. Такса была строго определенной. Рубль за гадание по глазам и руке и три рубля за карты. Цыганка не унижала себя вымогательством.

Константин Саввич долгое время присматривался к цыганке.

Гадальная скамейка лежала на любимом маршруте его пенсионерских прогулок. Маршрут этот Константин Саввич выбрал с женой Анастасией Федоровной на следующий день после ухода из конструкторского бюро. Ранее Константин Саввич цыганку не видел, поскольку ее рабочее время совпадало с часами работы Константина Саввича.

Константин Саввич Самарин двадцать лет был начальником КБ, год как вышел на пенсию и теперь гулял один или с женой в сквере Адмиралтейства, размышляя о жизни. Никогда он не имел времени достаточно подробно поразмыслить на общие темы. Вид работающей цыганки настораживал Самарина. Смутная мысль посещала его – будто не всё успел узнать он о жизни.

Константин Саввич гадающих цыганок побаивался. Он был человеком четким и определенным, а произвол гадания не уместился в материалистических рамках. Если бы предсказание вдруг исполнилось, чего и боялся Константин Саввич, то пришлось бы, будучи человеком честным, менять взгляды. А менять взгляды – занятие хлопотное.

Но однажды Константин Саввич подошел к гадалке и занял очередь. Все-таки он был инженером, то есть исследователем загадок, и было малодушно с его стороны уклоняться от встречи с неясными силами природы.

Константин Саввич стоял в очереди и заставлял себя внутренне усмехаться. Еще ему была приятна мысль о том, что происходящее можно было считать старческой причудой.

Цыганка курила короткую коричневую трубку. Отпустив очередную девушку, которой она нагадала на картах «дальнюю дорогу, соперницу-брюнетку и трефового короля без квартеты, разведенного, тридцати шести лет», она подняла глаза на Самарина, и во взгляде ее мелькнул интерес специалиста.

– Садитесь, – приказала она, указывая на место рядом с краем шали.

Самарин сел. Стертая бахрома пересекала скамейку. Константин Саввич сидел на светлой стороне, старуха-цыганка принадлежала темной половине.

– По глазам, по руке или на картах? – спросила цыганка, попыхивая трубкой.

– А как лучше? – спросил Самарин.

– Правильнее всего по глазам, по руке прогноз более долгосрочный, на картах прогноз с романтическими подробностями.

– По глазам, – сразу сказал Самарин, предпочитая точность.

Очередь благоговейно прислушивалась к разговору.

– Что было скажу и что будет скажу, – монотонным голосом, чуть раскачиваясь, начала старуха. – Что есть скажу, каков есть скажу, каким никогда не будешь...

Константин Саввич слушал внимательно, отмечая логические неточности в гадании и намереваясь обратить на них внимание цыганки.

– Тебе шестьдесят шесть лет, жена у тебя, дочь и два внука. На пенсии ты, – несколько удивленно произнесла цыганка. – Мало жил. Очень мало жил, – жестко произнесла она и задумалась.

– Что значит «мало жил»? – спросил Самарин.

Старуха достала из складок шали указку, сделанную в виде шариковой ручки, растянула ее в длину и слегка наклонилась вперед. Ее глаза уставились в землю. Константин Саввич и люди в очереди тоже уставились в землю.

– Вот ты, – сказала цыганка, ставя на земле маленькую точку концом указки. – Вот путь твой, – сказала она, проводя вектор по направлению к шпилю Адмиралтейства. – Вот взгляды твои, – сказала она, заключая нарисованный вектор в узкий коридорчик параллельных линий. – Это «нельзя», а это «надо». Нельзя и надо – вот где ты ходил.

– Нельзя и надо... Нельзя и надо... – прошелестело в очереди.

– А жизнь смотри какая, – торжественно сказала цыганка, обводя указкой пространство.

Все невольно оглянулись и увидели, что в сквере Адмиралтейства прогуливается юная осень и ездят наперегонки детские коляски, осыпаемые сухими листьями. Небо просвечивало сквозь ветки и было далеким, загадочно улыбающимся. На скамейке у памятника Пржевальскому, под которым, подогнув ноги под себя, лежал бронзовый верблюд, сидели молодые мужчина и женщина. Они целовались. Верблюд смотрел на них печально, будто зная, что ничего хорошего из этого не получится.

Маленький вектор, нарисованный на земле в коридорчике «надо» между двумя «нельзя», выглядел жалким по сравнению с открывшейся картиной.

– Позвольте, – сказал Константин Саввич, заметно уязвленный. – Но ведь они есть, эти слова! Что же, по-вашему, все можно? А где нельзя?

– Там нельзя, – показала цыганка своей указкой. – Подальше, за сухим деревом с черной корой, за тяжелым камнем...

Константин Саввич заплатил рубль и пошел по аллее. Странное гадание получилось, Константин Саввич! Будто узнал всё про себя и ничего не узнал. Бронзовый верблюд проводил Константина Саввича взглядом и снова повернул голову к влюбленным.

2. На выставке

Константин Саввич шел в Гавань на выставку. Васильевский остров равномерно перемещался под ним на восток. Отражения солнца плавали во вчерашних лужах, пересекаемые парусниками кленовых листьев. Высокая сутулая фигура Самарина не торопясь миновала деревья на бульварах, скамейки, афиши, фонарные столбы и других пешеходов. В ней были обособленность и замкнутость.

Константин Саввич думал о маленьком векторе.

Он не мешал осени и прохожим – не суетился, расходясь со встречными, как бывает, когда разминуться пытаются люди воспитанные и нерешительные, в результате чего, синхронно меняя направление, они все же сталкиваются, рассыпаясь в извинениях. Константин Саввич следовал своим курсом твердо и последовательно. Было три часа пополудни, до конца рабочего дня в КБ оставалось два часа. Секунды рабочего времени еще продолжали стучать в Самарине.

У стеклянного здания выставки было многолюдно. Самарин занял очередь за билетом. Впереди стояли две девушки в красной и синей кофточках, выполненных под иностранные газеты. Девушек можно было читать.

– Вчера Таракан приволок целую сумку фирмы, – сказала красная девушка-газета.

– Ну вообще! – восхищенно отреагировала синяя.

К Константину Саввичу подошел молодой человек с бородкой и портфелем. Он внимательно посмотрел Самарину в глаза и тихо сказал:

– Я могу предложить вам билет.

Билет был пригласительный, на два лица, отпечатанный на глянцевой бумаге. Вид билета вызвал оживление девушек. Они прекратили разговор и с вождением уставились на билет.

– Мой компаньон не пришел, – объяснил молодой человек, произнеся слово «компаньон» с носовым французским звуком. – Поэтому я прошу вас...

– Уступите нам! – воскликнула синяя кофточка умоляюще.

– Нет, – быстро и решительно ответил молодой человек.

Самарин пожал плечами и последовал за неожиданным дарителем. После утреннего гадания в голове у Константина Саввича произошло легкое и веселящее его смещение. Станным был молодой человек, странными были девушки-газеты, странной была молодая жизнь вокруг с легким привкусом осени.

Пройдя контролеров, молодой человек не оставил Самарина, а наоборот – взял его под руку и, улыбаясь несколько таинственно, сказал:

– Простите, как вас по имени-отчеству?

– Константин Саввич, – сказал Самарин.

– Очень приятно. Меня зовут Саша, – поклонился молодой человек.

И он в двух словах объяснил Константину Саввичу, что им обоим крайне необходимо пройти в павильон фирмы «Дижье», где их ждут. Интонации Саши были убедительнейшие, но Самарин насторожился. Он не привык и не любил иметь дел с иностранцами.

– Исключительно деловое свидание, – настаивал Саша.

– Ну, хорошо, – сдался Самарин.

Они стали пробираться сквозь толпу. В толпе было много рук, глаз и рекламных проспектов. Ловкие и гибкие иностранцы вкладывали глянцевые листки с фотографиями в пальцы рук. Толпа накатывалась на павильон и отступала, украшенная разноцветной пеной реклам. Гремели пирующие машинки, шипели магнитные ленты, из копировального автомата медленно выползло изображение Брижит Бардо.

Константину Саввичу лицо Брижит Бардо показалось знакомым.

У павильона фирмы «Дижье» Саша остановился, приподнялся на цыпочки и принялся кого-то высматривать. Потом он щелкнул пальцами и помахал рукою. На его знак из глубины павильона показался элегантный человек с седыми висками.

– Мсье Ноэль! – воскликнул Саша.

– О Саша! – всплеснул руками мсье Ноэль, устремляясь ко входу в павильон.

Рядом с Константином Саввичем и Сашей тут же оказался человек с красной повязкой на рукаве. Он быстро осмотрел обоих и метнул взгляд на мсье Ноэля.

– В чем дело, товарищи? – тихо проговорил он.

– По приглашению, – сказал Саша, проведя билетом в воздухе перед носом дружинника.

– Понятно, – кивнул тот и исчез.

Приподнялась бархатная веревочка при входе, полилась французская речь, возникло кофе на маленьком столике, окруженном мягкими креслами. Константин Саввич мучительно вспоминал, кадры из какого кинофильма все это напоминает. Француз раскладывал на столике проспекты.

– Вы играете роль моего директора, – шепнул Саша. – Он сегодня в командировку уехал. Нам важно завязать с фирмой контакты...

– А вы какую роль играете? – спросил Самарин.

Саша посмотрел на него с удивлением.

Застрекотала камера, помощник режиссера, молодая француженка в голубом костюме, внесла рюмки ликера. Саша говорил свой текст и успевал дублировать француза для Константина Саввича. Фильм получался иностранный, что не нравилось Самарину.

– Копировальные устройства высокого качества. Сто копий в минуту... – говорил Саша.

Потом он вынул из портфеля подарочный набор, состоящий из двух флажков марочного коньяка, и протянул мсье Ноэлю. Француз прижал руки к груди, взмахнул батистовым платком, и хоровод красавиц внес в павильон две дорожные сумки французской авиакомпании «Эйр Франс». Сумки были плотно набиты.

Самарин поймал себя на том, что принимает одну из сумок от француза с благодарностью. Саша делал то же самое. Все еще немного поклонялись друг другу, а затем Константин Саввич с компаньоном вышли из павильона.

– Вот и все, – сказал Саша, мягко отбирая сумку у Самарина. – Простите за беспокойство.

Он порылся в сумке и вынул коробочку духов.

– Константин Саввич, прошу вас... Подарите жене, – сказал он, протягивая коробочку Самарину.

– Это что, взятка? – хмуро спросил Самарин.

– Это гонорар, Константин Саввич, – улыбнулся Саша. – Не надо быть таким мнительным! – воскликнул он, начав растворяться в толпе.

– Погодите-ка! – попытался остановить его Константин Саввич. – Почему вы меня... Почему вы мне билет предложили?

– У вас номенклатурный вид! – отозвался уже почти невидимый Саша. – Благодарю за деловое сотрудничество.

Вокруг сустились автоматы и люди. Коробочка духов оттопыривала карман пиджака. Константин Саввич стоял под огромным красочным щитом, на котором очаровательная блондинка, улыбаясь, нажимала на кнопки пульта вычислительной машины. Над нею горело слово «Интероргтехника».

– Номенклатурный вид! – пробормотал Константин Саввич и, резко повернувшись, пошел к выходу. Блондинка смотрела ему вслед с молодой иностранной печалью. Запах французских духов преследовал Константина Саввича. Он тек над городом вязкой и сладкой струей, пока Самарин шел домой, удивляясь странности и непонятности жизненных явлений, пришедших к нему под старость лет.

3. Возрасты

Разбился Константин Саввич, как ртуть из градусника!

Еще вчера он был солидной блестящей каплей, чуть сплюснутой собственным весом, а сегодня, благодаря нелепой цыганке, разрушился на маленькие капельки, каждая из которых побежала в свою сторону.

Это были годы его жизни, впервые осознанные им по отдельности. Это был он сам, размноженный собственным возрастом на похожие и непохожие фигурки, бегущие по закоулкам памяти, точно спортсмены с номерами на майках, сменявшие друг друга в длинной эстафете жизни, а теперь явившиеся разом, как бы желая присутствовать при финише.

Все они жили в Ленинграде, за исключением нескольких Самариных военных лет, которые работали в оборонной промышленности на Урале. Худой семилетний Самарин с впалыми глазами тревожно выглядывал из окна профессорской квартиры на Петроградской стороне, куда подселили семью слесаря Саввы Самарина после революции. На углу Каменноостровского проспекта и Песочной строился отряд красноармейцев. Колонна топорщилась штыками, как ежик. Раздалась команда «Ша-агом марш!», и отряд зашагал по Троицкому в желтоватую мглу. Тяжелая профессорская портьера касалась щеки. Впереди была загадочная и трудная жизнь, а науки электроники еще не существовало.

Шестнадцатилетний лаборант Костя Самарин все еще сидел в закутке кафедры Электротехнического института, среди тяжелых приборов тех лет с черными эбонитовыми панелями и массивными медными клеммами. Перед ним лежал драгоценный кристалл свинцового блеска, которого касалось острие серебряной проволоки. Из наушников, укрепленных на голове Самарина, слышался замирающий голос Московского радио, и это было первым сотворенным собственными руками чудом. Потом чудес стало больше, но они уже не воспринимались так остро.

А Самарин двадцати пяти лет в это время вплывал в Нью-Йоркский порт на теплоходе трансатлантической компании в составе группы молодых советских специалистов. Вокруг улыбались иностранные красотки, но Самарин был уже женат на Анастасии Федоровне, на Настеньке, и никакие красавицы не могли его интересовать.

Те, молодые Самарины, работали по шестнадцать часов в сутки, они мчались вперед, как электроны в лампах, и путь их был прям и прост. Наблюдая за их стремительным продвижением, пенсионер Самарин искал цель, к которой они летели, и видел просторный кабинет с ковровой дорожкой и длинным столом, накрытым зеленой скатертью. Он видел себя во главе этого стола, микрофон селекторной связи, перекидной календарь, бронзовый чернильный прибор и переходящее знамя министерства. Секретарша Екатерина Антоновна вносила в кабинет стакан чаю с медалькой лимона, мягко ступая по ковровой дорожке. Двадцать Самариных сменялись перед нею – все в коричневых бостоновых костюмах одинакового покроя, одинаково пунктуальные, требовательные и немногословные.

И это все, Константин Саввич? В этом и состояла цель?

А как же тогда быть с четырнадцатилетним мальчиком Самариним, гонявшим голубей на крыше дома Петроградской стороны? Как быть с кошками, собаками, хомяками, ежами, рыбками, которыми тот мальчик окружал себя в своем одиночестве, мечтая прожить жизнь тихим исследователем бессловесных тварей природы? Сейчас мальчик вернулся и вновь заселил квартиру рыбками, канарейками и попугаями в клетках.

Константин Саввич вздохнул, сжимая в кармане коробочку французских духов. Чтоб ее черти забрали, эту цыганку!

Он прошел мимо здания КБ, но по другой стороне улицы. Рабочий день уже кончился. Светились нижние этажи экспериментального производства, окна семнадцатого отдела, светилось и окно его кабинета.

Огромное семиэтажное здание конструкторского бюро выплывало из сумерек с горящей на крыше надписью «Слава советской науке!». Многочисленные Самарины ходили по его этажам, проводили совещания и митинги, подписывали отчеты и любовались опытными образцами электронных приборов. Эти приборы летали вокруг Земли на спутниках, прятались в маленьких пластмассовых коробочках радиоприемников, грелись от терпеливой работы, связывая людей друг с другом. Константин Саввич усмехнулся своей недавней мысли о кабинете с ковровой дорожкой, потому что не он был целью стремительного бега Самариных, и не здание КБ даже, а та очевидная и простая истина, что люди должны иметь друг с другом связь на любых возможных расстояниях.

Странно, что ни один из молодых Самариных и Самариных средних лет ни разу об этом не думал. Они конструировали электронные лампы, транзисторы, выполняли планы и продвигались по служебной лестнице.

На проспекте Щорса Константин Саввич встретился с самим собою двенадцатилетней давности. Навстречу ему шел человек в шляпе и с портфелем. Он чему-то улыбался. Константин Саввич вспомнил, что он улыбается только что полученному известию о Государственной премии.

– Здравствуйте, Константин Саввич, – сказал Самарин, останавливаясь.

– Здравствуйте, – удивленно сказал тот Самарин и, немного помедлив, произнес: – Простите, не могу узнать...

– Еще узнаете, Константин Саввич! – озорно подмигнул ему Самарин. – И не вздумайте в Москве просить фонды на новые прессы. Не дадут.

– Это почему? Откуда это вам известно? – поднял брови тот Самарин. Он был еще в расцвете лет, еще на коне, и не знал всего того, что знал нынешний Константин Саввич.

– Да уж известно, – грустно покачал головой Константин Саввич. – Вы лучше вот что скажите: вы счастливы?

Тот удивленно вскинул глаза на Константина Саввича, помолчал ровно секунду, а потом тихо сказал:

– Мне некогда, извините...

– Извиняю, охотно извиняю! – рассмеялся Константин Саввич и последовал дальше. Нужно было отдать ему французские духи, пускай бы Настя получила их на двенадцать лет раньше. Но момент был упущен.

Дома Анастасия Федоровна разговаривала с канарейкой. Жена стояла, склонившись над клеткой и приблизив лицо к прутьям. Анастасия Федоровна потеряла значительную часть зрения после операции на мозге семнадцать лет назад. С тех пор Константин Саввич стал ее глазами. Он читал ей романы и рассказывал о том, что происходит на экране телевизора.

– Чика, Чика, Чика... – приговаривала Анастасия Федоровна. – Спой, Чика, не стыдись...

Константин Саввич подошел к жене и вложил коробочку духов ей в руку.

– Что это, Костя? – спросила она, ощупывая духи.

– Духи французские. Шанель...

– Они же очень дорогие! Зачем?

– Я их заработал, – криво улыбнулся Самарин и рассказал про выставку, ловкого Сашу и месье Ноэля.

– Не возьму, – спокойно и твердо проговорила Анастасия Федоровна и снова наклонилась к клетке: – Чика-Чика-Чика...

Коробочка отчужденно легла на стол. Константин Саввич незаметным движением стянул ее со стола и отправился в кухню. На душе у него было беспокойно, будто он сделал что-то нехорошее.

За дверью комнаты, в полутемной прихожей, перед зеркалом сидел сорокалетний Самарин, только что получивший трехкомнатную квартиру. Его жена Настя, тридцати шести лет, сидела у него на коленях. Они смотрели в зеркало и улыбались друг другу. Настя была в крепдешиновом платье, а на Самарине был двубортный летний костюм.

– Мебель надо покупать... – растерянно говорил Самарин. – Это сколько ж мебели надо? Такие хоромы!

– Теперь только зарабатывай, – говорила Анастасия Федоровна. – Дочке скоро замуж.

– Да ей одиннадцать лет! – возмутился Самарин-40.

– А вот увидишь... – загадочно проговорила Анастасия Федоровна. – Что-то она притихла, – встревожилась жена. – Надо пойти на кухню посмотреть.

Константин Саввич деликатно обогнул мужа и жену. Они его не заметили, не подумали о нем, он был еще далеко-далеко, но и рядом – рукой можно дотронуться. Константин Саввич, стараясь не шуметь, прошел в кухню.

4. Печальный заяц

Как густо населена жизнь! Обременительный груз образов, впечатлений, разговоров, мыслей копится в душе, но иногда освобождается внезапно, как вулкан, и тогда берегись только! Огонь и пепел жизни опасны.

В кухне за столом сидели три дочери Константина Саввича, все три – Аллы. Одной было одиннадцать лет, второй двадцать шесть, а третьей тридцать пять. Старшая Алла Константиновна, по своему обыкновению, делала сразу три дела: она чистила и терла морковь своим сыновьям, варила на завтра обед и читала монографию Киттеля «Физика твердого тела». Младшая Аллочка беспечно грызла морковь, а средняя сидела тихо на краешке стула с отрешенным выражением лица. Она была беременна и ждала первого внука Константина Саввича – Юрку.

Константин Саввич подошел к Алле Константиновне и поставил на страницу Киттеля французские духи. Младшая Аллочка перестала грызть морковь и прошептала недоверчиво:

– Это... мне?

Средняя по-прежнему была безучастна, зато старшая, иронически взглянув на отца, проговорила:

– В честь чего же, папа?

– С выставки, – неохотно сказал Самарин. – Бери, бери...

– Тут что-то не так! – торжествующе сказала младшая. – А ну-ка рассказывай!

И Самарин, хмурясь и отводя глаза в сторону, повторил рассказ о выставке. Дочери рассмеялись, всплеснули руками и воскликнули:

– Какая прелесть! Этого я от тебя не ожидала!

– Наврал он все про директора! – сказал Константин Саввич, внезапно осеняясь догадкой. – Сумка ему вторая была нужна, вот что!

– Конечно, – спокойно сказала Алла Константиновна.

– А я старый дуралей! – констатировал Самарин.

– Это все мелочи жизни, папа, – сказала взрослая дочь.

– Не обращай внимания! – сказала маленькая.

– У вас все – мелочи жизни, – вздохнул Самарин.

– Подумаешь! – пожал плечами Алла-младшая. – И не надо!

С этими словами она взяла французскую коробочку и аккуратно выбросила ее в мусорное ведро под раковиной. После этого ушла в свою комнату.

– Глупо! – сказала Алла Константиновна, столь же аккуратно выудила коробочку, пользуясь мусорным совком, подула на нее и унесла из кухни.

– Ну, где твой-то? – спросил Константин Саввич Аллу-среднюю. – Снова гастролирует?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.